

ЗАМЕТКИ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВУКОПИСИ ПУШКИНА¹

© 1997 г. Л. С. Салямон

Статья является продолжением прежних исследований автора, показавших, что нейрофизиологический “принцип воронки” позволяет понять, почему сфера чувств не поддается изоморфному словесному выражению и как художественному слову удается преодолеть такое ограничение и ретранслировать субъективную эмоциональную сферу. Явление доминанты и подпорогового суммирования нервных импульсов объясняет некоторые феномены звуковых повторов в поэтических текстах Пушкина. Попутно замечено, что в среднем поэтический слог длиннее прозаического.

The article is a continuation of the author's previous investigations, in which he showed that the neurophysiological “funnel principle” helps to explain why the sphere of feelings cannot be isomorphously verbalized, how poetry overcomes the problem and manages to retranslate the sphere of subjective emotions. It is stated that the phenomenon of a dominant and the under-threshold summing of neural impulses can be the explanation for certain sound repetitions in Pushkin's poetry. It is also noted that on the average a poetic syllable is longer than a prosaic one.

“Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на острие нескольких слов... Из-за них существует стихотворение”.

Александр Блок

Научная работа, как известно, содержит три элемента: предпосылки, способ исследования (метод) и результаты. Предпосылки данного исследования требуют некоторых пояснений.

Статья затрагивает проблему специфических особенностей художественного слова. Эту проблему превосходно сформулировал Б. Рассел: «Коллектив знает и больше и меньше, чем индивидуум: он знает... все содержание энциклопедии и все вклады в труды научных учреждений, но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни. Когда человек говорит: “... Никакие слова не могут выразить моей радости, когда я снова увидел море после ... тюремного заключения”, он говорит нечто такое, что является истинным...», но “...не поддается полному выражению в словах. Если он ... художник слова, он может создать у восприимчивого читателя состояние..., не во всем отличающееся от его собственного, но если он попытается воспользоваться научными методами, поток его опыта будет безнадежно утерян” [1].

Поэты часто и справедливо говорят о том, что не хватает слов, дабы “излить душу”. Напомним известные стихи Жуковского: “Невыразимое подвластно ль выраженью?..” или Тютчева: “Как сердцу высказать себя”. Афоризм, гласящий, что

искусство “выражает невыразимое” стал ходячим.

Конечно, в обыденной речи мы вербализуем нашу чувственную сферу и порой прибегаем к распространенным наречиям: “чрезвычайно”, “очень”, “весьма”, “здорово” (“он здорово пострадал!”), “страшно” (“я страшно рада!”) или же к восклицаниям, бессодержательность которых в рассказе “Как я строил дом” шутливо изображена Юрием Казаковым: “Все останавливались и говорили разные слова.

Одни говорили: – Ай-яй-яй!

Другие говорили: – Вот это да!

Третьи говорили: – Ну и ну!

А четвертые говорили: – Ничего не скажешь!”

Странные свойства нашего языка – трудности эмоциональной информации – теряют свою загадочность, если принять во внимание одну физиологическую особенность центральной нервной системы. Анализируя спинномозговые двигательные рефлексы, английский физиолог Шеррингтон обнаружил их “сужение” (конвергенцию). По чувствительным нервам в спинной мозг поступает значительно больше сигналов, чем может быть рефлекторных ответов – мышечных сокращений. Эта закономерность именуется принципом “общего конечного пути” или “принципом воронки”.

Нами высказано предположение о том, что “принципу воронки” подчиняется не только

¹ Доклад, прочитанный на Международной конференции “Эйхенбаумовские чтения” (Воронеж, 1996, сентябрь).